

Говард Филлипс Лавкрафт

Иранон

(The Quest of Iranon)

Однажды в гранитный город Телос забрел юноша в венке из виноградной лозы. Мирра блестела в его выгоревших до желтизны волосах, пурпурный плащ был изодран о колючие кусты склонов горы Сидрак, что высится напротив древнего каменного моста. Обитатели квадратных домов Телоса, люди недалекие и суровые, хмуро расспрашивали странника, откуда пришел он, как зовут его и каковы его средства. Так отвечал им юноша:

— Я Иранон, родом из Эйры, далекого города, который я почти забыл и жажду снова отыскать. Я исполняю песни, знакомые мне по жизни в том городе, и призвание мое — создавать красоту из своих детских воспоминаний. Мое богатство — в том немногом, что я помню, в грезах, что я воспеваю в садах, когда нежно сияет луна, а западный ветер колышет бутоны лотоса.

Услышав это, зашептались между собой жители Телоса. В их гранитном городе отродясь не слыхали ни смеха, ни песен, но даже эти угрюмые люди посматривают иногда по весне на Картианские холмы, и в голову им приходят мысли о лютнях далекого города Оонаи, о котором так часто рассказывают путешественники. Поразмыслив, они попросили странника остаться и спеть на площади перед Башней Млина, хотя не понравился им ни цвет его поношенного одеяния, ни мирра в волосах, ни венки из виноградных листьев, ни музыка юности, что звучала в его звонком голосе. Вечером пел Иранон, и, пока он пел, какой-то старец принялся молиться, а один слепой потом утверждал, что видел светящийся нимб вокруг головы певца. Но большинство слушателей зевало и смеялось, иные же отправились спать, поскольку не поведал им Иранон ничего полезного, а пел лишь свои воспоминания, грезы и надежды.

— Я помню сумерки, луну, и тихие песни, и окно, подле которого меня укачивала мать. И была за окном улица с золотыми огнями, и тени плясали на стенах зданий. Я помню квадрат лунного света — света, какого я не встречал больше нигде, и видения, плясавшие в луче этого света, покуда моя мать пела мне. Помню яркое утреннее солнце над многоцветными летними холмами, и сладкий аромат цветов, приносимый западным ветром, от которого пели деревья. О Эйра, город из мрамора и изумрудов, не перечить твоих красот! Как любил я теплые и благоухающие рощи за кристально чистой рекой Нитрой и перекаты крохотной Кра, что текла по зеленой долине! В тех лесах и долах дети сплетали друг другу венки, а когда над раскидистыми деревьями, что росли на горе в виду городских огней, вплетенных в отраженную водами Нитры звездную ленту, сгущались сумерки, меня начинали посещать странные, сладкие грезы. И были в городе дворцы из цветного, с прожилками мрамора, с позолоченными куполами и расписными стенами, зеленые сады с лазурными прудами и хрустальными фонтанами. Часто играл я в тех садах, и плескался в прудах, и лежал, утопая в блеклых цветах, что росли под густыми кронами деревьев, и мечтал обо всем на свете. Бывало, на закате я поднимался длинной улицей, что взбегала по склону холма к акрополю, и, остановившись на

открытой площадке перед ним, смотрел вниз на Эйру, чудесный город из мрамора и изумрудов, окутанный дымкой золотистых огней. Как давно тоскую я по тебе, Эйра, — ведь был я очень мал, когда мы отправились в изгнание! Но мой отец был твоим царем, и, если будет на то воля рока, я вновь увижу тебя. Семь земель прошел я в поисках тебя, и настанет час, когда я начну править твоими рощами и садами, улицами и дворцами. Я буду петь людям, знающим, о чем я пою; и не отвернутся, не высмеют меня, ибо я есть Иранон, бывший в Эйре принцем.

Той ночью обитатели Телоса положили путника в хлеву, а поутру к нему пришел правитель города и повелел идти в мастерскую сапожника Атока и стать его подмастерьем.

— Но ведь я Иранон, певец, — ответил он, — и не лежит у меня душа к ремеслу сапожника.

— Все в Телосе обязаны усердно трудиться, — возразил архонт. — Таков закон.

Тогда отвечал ему Иранон:

— Зачем же трудитесь вы? Разве не затем, чтобы жить во счастье и довольстве? А если для того ваши труды, чтобы работать все больше, то когда же вы обретете счастье? Вы трудитесь, чтобы обеспечить себе жизнь, но разве жизнь не соткана из красоты и песен? И если в трудах ваших не появилось среди вас певцов, то где же плоды ваших усилий? Труд без песни похож на утомительное и бесконечное путешествие. Разве не была бы смерть более желанной, чем такая жизнь?

Но иерарх оставался угрюм, не внял словам юноши и в ответ упрекнул его:

— Ты очень странный юноша. Не нравятся мне ни обличье твое, ни голос. Слова, что ты говоришь, богохульны, ибо изрекли боги Телоса, что труд есть добро. После смерти нам обещан богами приют света, где будет вечный отдых и хрустальная прохлада. Мысль там не будет досаждать сознанию, красота — глазам. Иди же к Атоку-сапожнику, иначе прогонят тебя из города до заката. Здесь каждый обязан приносить пользу, а пение есть безделица.

Иранон вышел из хлева и побрел узкими каменными улочками между унылых прямоугольных домов из гранита. Он надеялся увидеть зелень, но его окружал лишь серый камень. Лица встречных были хмуры и озабоченны. На набережной медлительной Зуру сидел отрок с грустными глазами и пристально смотрел на поверхность воды, выискивая на ней зеленые веточки с набухшими почками, которые нес с гор паводок. И отрок этот обратился к Иранону:

— Не ты ли тот, кто, по слухам, ищет далекий город в прекрасной земле? Я, Ромнод, хоть и телосской крови, но еще не успел состариться и стать похожим на остальных; я тоскую по теплым рощам и дальним землям, где обитают красота и песни. За Картианским хребтом лежит Онаи, город лютни и танца. Люди шепчутся о нем как о прекрасном и ужасном одновременно. Вот куда пошел бы я, будь я достаточно взрослым, чтобы найти дорогу. Не пойти ли туда и тебе? Там у песен твоих нашлись бы хорошие слушатели. Давай вместе уйдем из Телоса и отправимся по весенним холмам. Ты покажешь мне путь, а я

буду внимать твоим песням по вечерам, когда звезды одна за другой навевают грезы мечтателям. И, может статься, Оонаи, город лютни и танца, и есть прекрасная Эйра, которую ты ищешь. Говорят, ты очень давно не видел Эйру, а названия городов, как известно, могут меняться. Пойдем в Оонаи, о золотоволосый Иранон, где люди, узнав наши цели и устремления, примут нас как братьев. И никто из них не засмеется и не нахмурится нам в лицо.

Так отвечал ему Иранон:

— Да будет по-твоему, малыш. Если кто-нибудь в этом каменном мешке возжаждет красоты, ему нужно искать ее в горах, как можно дальше отсюда. Мне не хочется оставлять тебя томиться у медлительной Зуро. Но не думай, что восхищение искусством и понимание его обитают сразу за Картианским хребтом. Их нельзя отыскать за день, год или пять лет пути. Послушай, когда я был юн, как ты, я поселился в долине Нартоса, у холодной реки Ксари. Там никто не желал внимать моим мечтам. И я решил, что, как только подрасту, пойду в Синару, на южный склон горы, где спую на базаре улыбчивым погонщикам одногорбых верблюдов. Но, достигнув Синары, я нашел караванщиков пьяными и погрязшими в пороках; я увидел, что песни их вовсе не схожи с моими. И тогда я отправился на лодке вниз по Ксари — до города Джарена, чьи стены украшены плитками разноцветного оникса. Но солдаты в Джарене подняли меня на смех и прогнали прочь. С таким же успехом бродил я и по многим другим городам. Я видел Стефелос, что лежит ниже великого водопада, и проходил мимо топи, на месте которой некогда стоял Сарнат. Я посетил Траю, Иларнек и Кадатерон на извилистой реке Эй, долго жил в Олаттоэ, что в земле Ломар. Желавших послушать меня всегда набиралось немного. И потому я уверен, что привет и ласка ждут меня только в Эйре, городе из мрамора и изумрудов, где когда-то царствовал мой отец. Мы вместе будем искать Эйру. Однако я согласен с тобой: нам не мешало бы посетить и благословенно-лютневый город Оонаи за Картианским хребтом. Он и впрямь может оказаться Эйрой, хотя я не думаю, что это так. Красоту Эйры невозможно вообразить, и никто не в состоянии говорить о ней без восторга. А об Оонаи перешептываются одни только караванщики, да еще и плотоядно ухмыляются при этом.

На закате Иранон и юный Ромнод покинули Телос и долгое время странствовали по зеленым холмам и тенистым лесам. Труден и запутан был их путь. Казалось, никогда им не прийти в Оонаи, город лютни и танца. Но в сумерках, когда высыпали звезды, Иранон заводил песню об Эйре и ее красотах, Ромнод же внимал ему, и оба чувствовали себя на редкость счастливыми. Они питались фруктами и красными ягодами и не замечали течения времени, а между тем прошло, должно быть, много лет. Маленький Ромнод заметно вытянулся, голос его теперь звучал ниже, но Иранон оставался все тем же и по-прежнему украшал свои золотистые волосы виноградной лозой и ароматными смолами лесов. И пришло время, когда Ромнод стал выглядеть старше Иранона. А ведь был он очень юн при первой их встрече на берегу ленивой, одетой в камень Зуро, где он сидел и искал веточки с набухшими почками.

Но вот однажды в полнолуние путники взошли на высокий горный гребень и взглянули вниз на мириады огней Оонаи. Недаром селяне говорили им, что они были уже совсем близко от города. Тут понял Иранон, что это не его родная Эйра. Огни Оонаи

были совсем другими — резкими и слепящими, тогда как в Эйре они светили мягко и волшебным, подобно лунному свету, переливающимся на полу подле окна, у которого мать Иранона некогда убаюкивала его своей колыбельной. Но так или иначе, Оонаи был городом лютни и танца, а потому спустились Иранон с Ромнодом по крутому склону, чтобы отыскать людей, которым песни и мечты доставили бы радость.

Едва вошли они в город, как оказались в толпе бражников, что в венках из роз бродили из дома в дом, свешивались с балконов и выглядывали из окон. Они усердно внимали песням Иранона. Когда же он кончил петь, то они осыпали его цветами и аплодисментами. Тогда ненадолго уверовал Иранон, что нашел наконец тех, кто думал и чувствовал подобно ему самому, хотя город этот никогда не мог бы сравниться красотой с незабвенной Эйрой. На рассвете же огляделся Иранон по сторонам, и его охватило смятение, ибо купола Оонаи не сияли золотом, а были серыми и мрачными, а горожане были бледными от гульбы, тупыми от вина и даже отдаленно не напоминали лучезарных жителей Эйры. Но поскольку эти люди осыпали его цветами и аплодировали его песням, Иранон решил остаться в городе, а вместе с ним и Ромнод, которому по душе пришлись шумные пирушки. Теперь он постоянно носил в волосах мирт и розы.

Часто пел Иранон веселым гулякам по ночам, но, как и раньше, был увенчан лишь лозой из горных лесов и никак не мог забыть мраморных улиц Эйры и кристальной чистоты Нитры. Пел он и в чертогах монарха, стены которых были изукрашены фресками. Стоя на хрустальном возвышении над зеркальным полом, пением своим он рождал в воображении слушателей удивительные картины. Зеркало пола, казалось, отражало уже не хмельные физиономии пирующих, а нечто иное, нечто прекрасное и полузабытое. И повелел ему царь сбросить с плеч своих поношенный пурпур, и одел певца в атлас и золотое шитье, и украсил персты его кольцами зеленого нефрита, а запястья — браслетами из слоновой кости. Ночевал певец в позолоченной, увешанной богатыми гобеленами спальне, на узорчатом ложе под цветным шелковым балдахинном. Так жил Иранон в Оонаи, городе лютни и танца.

Неизвестно, сколько времени провел певец в Оонаи, но вот однажды привез царь во дворец неистовых, кружившихся, как волчки, танцоров из Лиранийской пустыни и смуглых флейтистов из восточного города Дринена. После этого на пирах чаще стали бросать цветы танцорам и флейтистам, чем певцу Иранону. Ромнод же, что был маленьким мальчиком в каменном Телосе, с каждым днем становился все тупее и черствее. Лицо его оплывало и краснело от выпитого вина, он все реже и реже предавался мечтам и все с меньшим воодушевлением слушал песни товарища. А Иранон стал тих и печален, но по вечерам все так же не уставал повествовать об Эйре, городе из мрамора и изумрудов.

Но вот однажды ночью Ромнод, обрюзгший и краснолицый, укутанный в вышитые маками шелка, тяжело захрипел на своем затрапезном ложе и в жутких корчах скончался. В это время Иранон, все такой же бледный и стройный, тихо пел самому себе песни, сидя в дальнем углу. Когда же певец оросил слезами могилу друга и осыпал ее зелеными распускающимися ветвями, столь милыми прежде сердцу Ромнода, он сбросил с себя шелка и пышные украшения и ушел прочь из Оонаи, города лютни и танца. Он покинул город всеми забытый, никем не замеченный, облачившись в свой

рванный пурпур — тот самый, в котором пришел когда-то, увенчанный свежими лозами с гор. Он ушел на закате и снова пустился на поиски своей родной земли и людей, что восхитились бы его мечтами и песнями. В городах Сидатрии и в землях, что лежат за пустыней Бназик, над его ветхозаветными песнями и поношенным пурпурным одеянием всю потешались дети. А Иранон все так же оставался молодым и носил венки в соломенных волосах, и все так же воспевал Эйру, усладу прошлого и надежду будущего.

Однажды вечером вышел он к убогой хижине дряхлого пастуха, грязного и согбенного, который пас свое стадо на каменистом склоне над зыбучими песками и болотами. Обратился к нему Иранон, как и ко многим другим:

— Не подскажешь ли ты мне путь к Эйре, городу из мрамора и изумрудов, где протекает кристально чистая Нитра и где перекаты крохотной Крэй поют свои песни цветущим холмам и долам, поросшим кипарисами?

Услышав это, пастух пристально и как-то странно взгляделся в Иранона, будто вспоминая что-то очень далекое, затерянное во времени. Он пристально рассмотрел каждую черточку облика незнакомца, не обойдя вниманием и золотистые волосы, и венок из виноградных листьев. Но был он стар и, покачав головой, ответил:

— О путник, я и в самом деле слышал это название — Эйра — и другие, о которых говорил ты. Но возвращаются они ко мне из бесконечно далекой пустыни прожитых лет. Слышал я их еще в далеком детстве из уст товарища по играм, мальчика из нищей семьи, склонного к странным мечтаньям. Он, бывало, сплетал длинные повести о луне, и цветах, и западном ветре. Мы часто смеялись над ним, ибо мы-то знали его с самого рождения. Он же воображал себя сыном царя. Был он очень хорош собой, совсем как ты, но всегда был полон глупых и странных фантазий. Он покинул дом совсем маленьким, чтобы найти кого-нибудь, кто захотел бы выслушать его песни и поверить в его мечты. Как часто пел он мне о дальних странах, коих не было и в помине, и о разных невозможных вещах. Часто он рассказывал мне об Эйре, и о реке Нитре, и о перекатах крохотной Крэй. Там, как он утверждал, был он некогда принцем, хотя мы-то знали его от рождения. Нет и не было никогда ни мраморного города Эйры, ни тех, кто хотел бы найти усладу в его странных песнях. Разве что это было в мечтах моего друга детства — а звали его Ираноном, — но он давно и бесследно пропал.

В сумерках, когда на небосводе зажигались одна за другой звезды, а луна проливали на болото сияние, похожее на то, что предстает глазу ребенка, которого на ночь укачивает мать, шел в глубину смертоносных зыбей старик. Был он в рваном пурпурном плаще, голова его была увенчана высохшими виноградными листьями. Пристально вглядывался он вдаль, будто высматривая впереди золоченые купола прекрасного сказочного города, где люди еще верят в мечты. Той ночью вечно юная и прекрасная мелодия перестала звучать в повзрослевшем мире.

Перевод: В. Останин

1992 год